

**Советский индустриальный политический проект 1920-х –
начала 1930-х гг.: основные этапы разработки*.**

Сталинскую индустриализацию, ее замысел, реализацию и социальные последствия часто рассматривают в терминах модернизационного перехода, который оказывает воздействие на каждый социальный институт, на каждую группу населения, ощущается всеми слоями общества¹. Проблема взаимодействия доктринальных установок большевистского руководства и реальной хозяйственной практики изучалась рядом авторов². В зарубежной историографии традиционно высок интерес к экономическим аспектам советской индустриализации³. В целом, по мнению многих авторов, индустриальное развитие России было основано на формировании государством принципов и институтов, замещающих необходимые условия роста, характерные для западных экономик.

В связи с этим советскую индустриализацию целесообразно рассматривать в контексте политического проектирования, т.е. теоретической и предметной практической деятельности по созданию социальных систем, институтов, социальных объектов, их свойств и отношений на основе политического предвидения, прогнозирования и планирования социальных качеств и свойств, являющихся значимой социальной потребностью⁴.

Ретроспективный анализ советской промышленности 1920-х – начала 1930-х гг. как политического проекта позволяет не только охарактеризовать динамику индустриального потенциала страны, но и показать значение

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-01-00383 «Советский индустриальный политический проект: разработка и начало реализации»).

социально-политического контекста индустриализации. Политические цели и интересы, не всегда отвечавшие экономической целесообразности, представляли собой важную предпосылку реализации советской индустриальной программы. Поэтому промышленность представляла собой арену политической деятельности, предмет политической дискуссии и составляющую советского политического дискурса.

Новая политическая элита, пришедшая к власти в результате революции 1917 года, отличалась подчеркнуто индустриальным мышлением. РКП(б) объявила себя «партией пролетариата», которая действует в крестьянской стране, поэтому рост рабочего класса, неразрывно связанный с восстановлением и реконструкцией промышленности, соответствовал избранному ими имиджу. В программе 1919 года декларировалась необходимость перехода к крупной машинизированной индустрии, плановой организации труда и общественного производства, развития науки и ее сближения с производством⁵. Начиная с принятия плана ГОЭЛРО в 1920 г., партия большевиков использовала индустриальный дискурс для укрепления своей власти. Не случайно огромное внимание уделялось пропагандистскому обеспечению промышленной политики. Так, в постановлении VIII Всероссийского съезда Советов о плане ГОЭЛРО говорилось: «Съезд поручает далее правительству и просит Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов и Всероссийский Съезд Профессиональных Союзов принять все меры к самой широкой пропаганде этого плана и к ознакомлению с ним самых широких масс города и деревни. Изучение этого плана должно быть введено во всех без изъятия учебных заведениях Республики <...>»⁶.

Индустриальная модернизация стала частью большевистских представлений о социалистическом будущем. В то же время в первой половине 1920-х гг. индустриальное проектирование было подчинено целям развития сельского хозяйства, обеспечения смычки между городом и

деревней, восстановления довоенного уровня производства на старых предприятиях.

Многие хозяйственники по-прежнему видели в России аграрную страну, в которой развитие промышленности должно быть подчинено интересам сельского хозяйства. Так, в записке о перспективном плане развития русской промышленности на ближайшие годы (1924 г.) профессор А.Н. Долгов отмечал: «По отношению к основной цели, которая стоит в настоящее время перед Россией – возрождения новых производительных ее сил – возрождение русской промышленности есть задача частная. <...> Важный и необходимый для земледельческой России ее сельскохозяйственный подъем, вызывающий и рост производства промышленного сырья, улучшение и развития путей сообщения, восстановление правильных взаимоотношений между городом и деревней и рост городского потребительского рынка, улучшение состояния русских финансов и вовлечение России в орбиту международных торговых отношений, – все это одинаково трудно осуществимо вне возрождения и последующего развития русской промышленности»⁷.

Сохранение значимости промышленного развития в этот период поддерживалось прежде всего политическими соображениями: пониманием того, что фабрично-заводская промышленность – это основа диктатуры пролетариата, необходимостью обеспечения политической лояльности рабочего класса, восприятием индустриализации в контексте мифа о «светлом будущем». В политическом плане восстановление промышленности рассматривалось как важнейшее средство обеспечения смычки между городом и деревней. Так, на заседании Президиума Госплана в январе 1925 г. при обсуждении вопроса о развертывании хлопчатобумажной промышленности на 1924/25 г. Г.М. Кржижановский заявил: «Текстильную промышленность необходимо внедрить в огромные массы крестьянского населения, необходимо вкрапливать ее в отдаленные пункты СССР, а не концентрировать ее в одном пункте, отрывая тем самым

производство от ее базовых потребителей. Только таким путем нам удастся вовлечь крестьянство, и не только в качестве потребителя, но и в качестве производителя основного сырья текстильной промышленности. Последнее обстоятельство будет колоссальным фактором в деле увеличения благосостояния и бюджета крестьянства и даст возможность подойти вплотную к современной проблеме связи города с деревней на базе советского строительства»⁸.

Серьезная политическая дискуссия о создании новой современной промышленности разворачивается только в середине десятилетия под влиянием внутри- и внешнеполитических обстоятельств. Вопросы индустриализации стали частью внутрипартийных дискуссий, а также получили дополнительный импульс в связи с «военной тревогой 1927 года». Р. Аллен подчеркнул, что дискуссии об индустриализации (Е. Преображенский, Н. Бухарин) были «интеллектуальной платформой промышленной революции Сталина»⁹.

Первый пятилетний план представляет собой не только экономическую программу, но и политический проект, целью которого было формирование нового социально-политического устройства. История его разработки заставляет задаться вопросом: в какой степени политическая воля определяет успех индустриальных программ? Очевидно, что в советской истории индустриальный вектор развития был задан не только экономическими обстоятельствами. Можно говорить о кумулятивном эффекте, когда политический дискурс сталинской «революции сверху» совпал с общемировым трендом индустриального развития.

В начале 1920-х гг. идея развития промышленности включается в концепт подъема сельского хозяйства и обеспечения смычки города и деревни. В политическом плане развитие промышленности тонет в сиюминутных задачах восстановительного периода. Мечты о грандиозных свершениях отходят на задний план. Во второй половине десятилетия сочетание экономических факторов (кризисный характер нэпа,

восстановление довоенного уровня производства, нарастающее аграрное перенаселение и пр.) и политических обстоятельств (внутрипартийные дискуссии, «военная тревога» и др.) сделали вновь актуальными грандиозные планы индустриального переустройства советского общества.

¹ См.: Макарова Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929—1935 гг. Челябинск, 2010; Сенявский А.С. Мобилизационная модель экономического развития как основа форсированной индустриальной модернизации СССР // Исторический опыт российских модернизаций XIX—XXI веков: специфика регионального развития. Казань, 2012. С. 126—137 и др.

² Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. М., 1994; Мау В.А. Реформы и догмы. М., 1993; Быстрова И.В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность // Отечественная история. 1993. № 3. С. 19—34; Дэй Р. Лев Троцкий и политика экономической изоляции. М., 2013 и др.

³ Эллман М. Советская индустриализация: выдающийся успех? // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13. М., 2007. С. 218—228; Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013; Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006; The economic transformation of the Soviet Union, 1913—1945 / Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. (ed.). Cambridge Univ. Press, 1994; Fischer S. Russia and the Soviet Union Then and Now // The Transition in Eastern Europe. Vol. 1. Univ. of Chicago Press, 1994. P. 221—258 и др.

⁴ См.: Бутина А.В. «Проективизм» как феномен политического дискурса современной России // Правовая и политическая культура России: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск, 2008. С. 255—259; Безнюк Д.К. Постсоветское пространство: религия как социально-политический проект // Социология. 2011. № 1. С. 68—74; Иванова С.В. О политическом проектировании и проектной деятельности в сфере политики // Пространство и время. 2011. № 1. С. 188—193; Dagnino E. Civic Driven Change and Political Projects // Civic Driven Change: Citizen's Imagination in Action. The Hague, 2008, P. 1—12 и др.

⁵ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 405-407.

⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. С. 15.

⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 5. Л. 199.

⁸ Торгово-промышленная газета. 1925. 1 янв.

⁹ Аллен Р. Указ. соч. С. 89.